

Научная статья
УДК 342

**Электронные юридические лица, политические партии,
общественные объединения как направление цифровой
трансформации субъектов правовых отношений**

Павел Витальевич Соловьёв

Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой, Новополоцк, Республика Беларусь, ORCID 0000-0003-2800-9405, p.solovjov@psu.by

Аннотация. Исследуется вопрос трансформации субъектного состава правоотношений в условиях цифровизации. В качестве потенциальных направлений этой трансформации рассмотрены такие субъекты как электронное юридическое лицо (коммерческие юридические лица, политические партии, общественные объединения), электронный государственный орган, цифровое должностное лицо. Раскрыты правовые аспекты перехода «типичных» субъектов права из физической в цифровую оболочку. Предложено в нормативно-правовую плоскость ввести категорию «электронное юридическое лицо», предусмотрев возможность юридическому лицу полностью осуществлять внутреннюю и внешнюю деятельность в цифровой среде.

Ключевые слова: цифровизация права, субъекты правовых отношений, электронные лица, электронные юридические лица, электронный государственный орган, цифровое должностное лицо.

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № Г24М-050 «Реализация нормотворческого принципа цифровизации в Республике Беларусь».

Для цитирования: Соловьёв П. В. Электронные юридические лица, политические партии, общественные объединения как направление цифровой трансформации субъектов правовых отношений // Актуальные вопросы развития государственности и публичного права: материалы XI междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 24 апр. 2025 г.). СПб.: С.-Петерб. ин-т (фил.) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2025. В 2 т. Т. 2. С. 125–133.

Conference paper

Electronic Legal Entities, Political Parties, Public Associations as a Direction of Digital Transformation of Subjects of Legal Relations

Pavel V. Solovjov

Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk, Novopolotsk, Belarus,
ORCID 0000-0003-2800-9405, p.solovjov@psu.by

Abstract. The article shows the problem of transformation of subjects of legal relations in the context of digitalization. Such subjects as an electronic legal entity (commercial legal entities, political parties, public associations), an electronic government agency, and a digital official are considered as potential areas of such transformation. The article mainly reveals the legal aspects of the transition of «typical» subjects of law from a physical to a digital shell. It is proposed to introduce the category of «electronic legal entity» into the legal area, providing for the possibility of a legal entity to fully carry out internal and external activities in the digital environment.

Keywords: digitalization of law, subjects of legal relations, electronic persons, electronic legal entities, electronic state body, digital official.

Acknowledgment: The reported study was funded by The Belarusian Republican Foundation for Fundamental Research, project number Г24М-050.

For citation: *Solovjov P. V.* Electronic Legal Entities, Political Parties, Public Associations as a Direction of Digital Transformation of Subjects of Legal Relations // Topical issues of statehood and public law development: proceedings of the 11th international conference (St. Petersburg, April 24, 2025). Vol. 2. Pp. 125–133.

Цифровизация как изменяет привычные общественные отношения (цифровизация экономики, политики, образования и других сфер общественной жизни), так и является катализатором совершенно новых, ранее не существовавших типов связей между членами общества (использование систем искусственного интеллекта, взаимодействие в социальных сетях и метавселенных, создание цифровых двойников объектов и субъектов реального мира и др.). В этой связи в юридической науке активно ведутся исследования проблем о возможном изменении субъектного состава правовых отношений.

Основная часть таких изысканий сконцентрирована на вопросе о потенциальной возможности признания правосубъектности за системами искусственного интеллекта. В этой связи в юридической доктрине активно ведется разработка категории «электронное лицо» [1] [2], под которой понимается юридическая конструкция, предполагающая предоставление определенной правосубъектности системам искусственного интеллекта.

Эта категория уже находит свое воплощение в нормативно-правовой плоскости. Так, Европейским парламентом 16 июля 2017 г. принята резолюция «Гражданско-правовые нормы о робототехнике», в которой предлагается в будущем роботов высокой степени автономности признавать электронными лицами (англ. *electronic person*). Согласно указанному документу, для признания роботов электронными лицами следует учитывать следующие критерии: 1) способность обмениваться данными с окружающей средой и анализировать их; 2) способность адаптировать свое поведение в соответствии с окружающей средой; 3) способность самообучаться на своего опыта и взаимодействия с окружающей средой; 4) способность функционировать при минимальной физической поддержке других субъектов; 5) отсутствие жизни с биологической точки зрения. Этот особый правовой статус в том числе предполагает возможность такого автономного робота нести ответственность за причиненный им ущерб в тех случаях, когда он принимал решения автономно.

В свою очередь, Закон об искусственном интеллекте (Регламент Европейского союза об искусственном интеллекте), принятый Европейским парламентом 13 марта 2024 года и одобренный Советом Европейского союза 21 мая 2024 года, не содержит нормы, предоставляющие какую-либо правосубъектность системам искусственного интеллекта независимо от степени их автономности. Акт, в большей части, направлен на обеспечение безопасности и прозрачности использования искусственного интеллекта, а также соблюдения прав человека в различных сценариях его использования государством и бизнесом. Тема о возможных моделях юридической ответственности за вред причиненный системами искусственного интеллекта является не менее популярной чем проблема его правосубъектности. Здесь, как правило, исследуются вопросы объективной ответственности, управления рисками, введения системы страхования и др. [3].

В целом, следует констатировать что в юридической доктрине и нормативно-правовой плоскости отдельных государств и межгосударственных образований отсутствует единая позиция относительно правового статуса систем искусственного интеллекта, в том числе и в оболочке роботов высокой степени автономности. Однако, на наш взгляд, в силу распространения систем искусственного интеллекта в различных сферах общества уже присутствует необходимость разработки института квазюридической ответственности в отношении систем искусственного интеллекта. Например, здесь может идти речь о выработке правил ограничения, временного блокирования, удаления систем искусственного интеллекта при наличии угроз правопорядку. Вопрос юридической ответственности электронных лиц является достаточно дискуссионным.

Как представляется, сегодня перед формированием правовой позиции в отношении новых субъектов правовых отношений, следует закончить правовое оформление цифровой трансформации «типичных» субъектов права. Одним из таких примеров является правовая категория электронного юридического лица, которая созвучна категории «электронное лицо», однако предполагает лишь некоторую цифровую трансформацию такого типичного субъекта правоотношений как «юридическое лицо» и не имеет прямой связи с вопросом правосубъектности систем искусственного интеллекта.

Юридическим лицом, как правило, признается организация, которая имеет в собственности, хозяйственном ведении или оперативном управлении обособленное имущество, несет самостоятельную ответственность по своим обязательствам, может от своего имени приобретать и осуществлять имущественные и личные неимущественные права, исполнять обязанности, быть истцом и ответчиком в суде. Категория «юридическое лицо» с вышеупомянутым «электронным лицом» имеет важное сходство: они являются примером юридической фикции, признаются субъектом правоотношений для того, чтобы само правоотношение могло состояться, несмотря на то, что такой субъект в объективной реальности не существует, не имеет сознания и воли.

В условиях современного цифрового общества юридическое лицо может стать еще большей «фикцией», что связано с процессами перехода внешней деятельности юридического лица из физического пространства в цифровое. Ряд видов экономической деятельности не предполагает наличие производственных помещений или офисов, главным образом, в сфере информационных технологий. Договорные отношения с контрагентами оформляются посредством электронного документооборота (институт смарт-контрактов и вовсе минимизирует человеческое участие в договорной работе). В свою очередь, трудовые отношения с работниками строятся в плоскости дистанционного труда, т.е. когда работник выполняет работу вне места нахождения нанимателя с использованием для выполнения этой работы и осуществления взаимодействия с нанимателем информационно-коммуникационных технологий.

Говорить можно не только о переходе юридического лица из физической оболочки в цифровую с позиций внешней деятельности, но и внутренней организации. Рассмотрим ряд таких основных аспектов:

- учредительные документы электронного юридического лица могут представлять собой электронные документы, доступные для ознакомления и работы с ними на цифровой платформе;

- уставной фонд (для коммерческих юридических лиц) может состоять из цифровых активов: конвертируемые виртуальные валюты,

криптовалюты, невзаимозаменяемые токены (NFT), имущество в метавселенных и т.п.;

– органы юридического лица могут представлять из себя цифровую платформу принятия решений и осуществления контроля за деятельностью организации; как в настоящее время предпринимаются попытки проведения судебных заседаний с использованием технологии виртуальной реальности, так и коллегиальные органы юридического лица (собрание, совет, правление и т. д.) могут осуществлять свою работу, например, в метавселенной;

– место нахождение юридического лица из физического адреса может быть трансформировано в цифровое место нахождение: доменное имя, e-mail, никнейм в социальных сетях и др. При этом такие формы коммуникации могли бы считаться надлежащим способом взаимодействия с этим юридическим лицом при направлении обращений физических и юридических лиц (контрагентов, работников), официальным способом взаимодействия с государственными органами при осуществлении контрольно-надзорных функций.

Таким образом, на современном этапе развития цифрового общества категория «юридическое лицо» может быть дополнено такой своей разновидностью как электронное юридическое лицо, которое предполагает переход юридического лица из физической оболочки в цифровую, т. е. внутреннее и внешнее функционирование таких юридических лиц будет осуществляться в цифровой среде. В первую очередь, это касается коммерческих юридических лиц, но в определенной степени применимо и к некоммерческим юридическим лицам, политическим партиям, общественным объединениям, а также государственным органам. Ведь последние формально имеют статус юридического лица, и фактически — в некоторых моментах схожую внутреннюю и внешнюю деятельность.

Политические партии и общественные объединения соответственно могут трансформировать в электронные политические партии и электронные общественные объединения. Например, определение электронной политической партии можно формулировать следующим образом: общественное объединение людей в цифровом пространстве, которые преследуют политические цели, в том числе посредством участия в выборах, при этом выявление и выражение политической воли граждан осуществляется различными цифровыми инструментами. В первую очередь, само объединение граждан с общими политическими интересами и идеалами, взаимодействие членов партии происходит в цифровой среде (интернет-сообщества, сообщества в социальных сетях и т.п.). Такая политическая партия как и электронное юридическое лицо не нуждается в физической оболочке (проведение офлайн учредитель-

ных съездов, наличие физического юридического адреса и т. д.) как это-го требует действующее законодательство о политических партиях.

Главным образом, деятельность электронной политической партии: разработка и продвижение политических программ; работа с общественным мнением; проведение собраний членов партии, участие в управлении государственными и общественными делами и др. также предполагает переход в цифровой формат. Так, разработка политически программ, обращений и заявлений к общественности может осуществляться на основе краудсорсинговых технологий, которые предполагают решение каких-либо задач силами достаточно широкого круга заинтересованных лиц, деятельность которых координируется на цифровой платформе. Здесь различные инструменты интернет-общения (голосование за или против проекта текста в целом, его отдельные положения, размещение замечаний к проекту, формулирование к проекту предложений, которые также могут быть оценены другими пользователями и т. п.) позволяют сформировать согласованный с большинством заинтересованных лиц политический документ.

Разумеется, здесь также как и в случае с электронными юридическими лицами возникает проблема обеспечения конституционных интересов личности, общества, государства в условиях осуществления партией деятельности в цифровой среде, которая не в полной мере доступна государству для осуществления контроля.

Продолжая линию цифровой трансформации юридических лиц, обращает на себя внимание и вопрос возможного появления электронных государственных органов. Как представляется, возможен переход отдельных государственных органов полностью в цифровую среду, т.е. государственный орган из физической оболочки (административное здание, почтовый адрес, номера стационарных телефонов, график личного приема и т. д.) будет перенесен в цифровую среду (цифровая платформа взаимодействия государственного органа с гражданами и юридическими лицами, должностных лиц между собой и с другими государственными органами, доменное имя, e-mail, аккаунты в социальных сетях, в т. ч. для обращений граждан и юридических лиц т.д.). В данном случае мы говорим лишь об изменении внутренней организации государственного органа и формы взаимодействия с иными участниками правоотношений, но с точки зрения кадрового устройства — изменений нет: электронный государственный орган состоит из государственных служащих — физических лиц, которые занимают государственные должности и осуществляют посредством цифровых инструментов государственно-властные полномочия.

В то же время, в рамках цифровой трансформации государственных органов речь может идти и о создании цифрового должностного

лица, под которым мы понимаем уже не физическое лицо, а систему искусственного интеллекта, осуществляющую государственно-властные полномочия. Например, рассмотрение обращений граждан, осуществление административных процедур и т. п. На наш взгляд, это даже не требует пересмотра парадигмы о субъектах права, так как можно вести речь не о признании искусственного интеллекта субъектом права, а только лишь о признании его инструментом осуществления государственных функций. Правоотношения также будут возникать между государством и гражданами (или юридическими лицами).

Переход к электронным государственным органам и цифровым должностным лицам будет способствовать экономии средств на содержание государственного аппарата, способствовать прозрачности деятельности, минимизации коррупционных проявлений.

Однако в условиях цифровой трансформации государственного аппарата «утилитарное рассмотрение государства на уровне института обслуживания потребностей населения» [4, с. 59] неверно. Физическое воплощение отдельных государственных органов: административное здание, материальные атрибуты власти, физический контакт с должностным лицом – выступают важным элементом государственности и позволяет государствам выполнять особую функцию в обществе. Следует признать, что «роль государства нельзя свести исключительно к сервисной деятельности. Существует целый ряд ситуаций, в которых «оцифровка» взаимоотношений человека, общества и государства является недопустимой и разрушающей само понимание государства как особого общественного института, укорененного в истории и культурной традиции» [5, с. 17].

Если деятельность государства представить в таких плоскостях как правотворчество, правоприменение и отправление правосудия, то появление электронных государственных органов и цифровых должностных лиц допустимо в отдельных сферах правоприменительной деятельности органов исполнительной власти, главным образом, в части осуществления административных процедур (разумеется, с сохранением права физического лица на рассмотрение его обращения человеком, а не системой искусственного интеллекта, для исключения формального подхода при разрешении нетипичных жизненных ситуаций и обеспечения справедливого правоприменительного решения).

Вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы.

1. На современном этапе развития цифрового общества категория «юридическое лицо» может быть дополнено такой своей разновидностью как электронное юридическое лицо, которое предполагает переход юридического лица из физической оболочки в цифровую,

т. е. внутреннее и внешнее функционирование таких юридических лиц будет осуществляться в цифровой среде. В первую очередь, это касается коммерческих юридических лиц, но в определенной степени применимо к некоммерческим юридическим лицам, политическим партиям, общественным объединениям, а также государственным органам.

2. В нормативно-правовую плоскость следует ввести категорию «электронное юридическое лицо», предусмотрев возможность юридическому лицу полностью осуществлять внутреннюю и внешнюю деятельность в цифровой среде (например, такой элемент как место нахождения юридического лица в виде физического адреса должен стать факультативным). При этом выделение отдельной категории «электронное юридическое лицо» (а также включение в наименование юридического лица указание «электронное») будет одним из элементов обеспечения безопасности интересов личности, общества, государства при появлении таких субъектов права. С одной стороны, указание на электронную форму юридического лица обозначает риски для субъектов, которые взаимодействуют с таким лицом, с другой — позволяет законодателю формировать специальный правовой статус для электронных юридических лиц.

3. Дальнейшем этапом развития категории «юридическое лицо» может стать его трансформация из электронного юридического лица в цифровое юридическое лицо, где отличительным признаком будет являться то, что его полное или частичное управление будет осуществляться системой искусственного интеллекта.

4. Цифровая трансформация блока юридических лиц требует разработки дополнительных правовых гарантий обеспечения конституционного правопорядка. Введение новых элементов в субъектный состав правоотношений не должно влечь понижение уровня правовой защищенности иных субъектов права, снижать уровень эффективности контрольно-надзорной деятельности государства.

Список источников

1. Морхат П. М. Искусственный интеллект: правовой взгляд: монография. Москва: Буки Веди. 2017. 257 с.
2. Морхат П. М. Юнит искусственного интеллекта как электронное лицо // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2018. № 2. С. 61–73.
3. Павлов В. И. Правосубъектность роботов как электронных лиц и возможные модели их юридической ответственности // Право.by. 2023. № 6 (86). С. 74–84.

4. *Ипатов В. Д., Климович Ю. С.* О приоритетных направлениях научно-правовых исследований в условиях цифровизации общества и государства // *Право.by*. 2023. № 6 (86). С. 54–61.

5. *Александров В. Б.* Идея цифрового государства перед лицом русской культурной традиции понимания смысла государственной власти // *Управленческое консультирование*. 2020. № 2. С. 16–21.

References

1. *Morhat P. M.* Artificial Intelligence: Legal View: monograph / P. M. Morhat. Moscow: Buki Vedi, 2017. 257 p. (In Russ.).

2. *Morhat P. M.* Artificial Intelligence Unit as an Electronic Person // *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Jurisprudence*. 2018. No. 2. P. 61–73. (In Russ.).

3. *Pavlov V. I.* Legal Capacity of Robots as Electronic Persons and Possible Models of Their Legal Liability // *Pravo.by*. 2023. No. 6 (86). P. 74–84. (In Russ.).

4. *Ipatov V. D., Klimovich Yu. S.* On the priority areas of scientific and legal research in the context of digitalization of society and the state // *Pravo.by*. 2023. No. 6 (86). P. 54–61. (In Russ.).

5. *Aleksandrov V. B.* The idea of a digital state in the face of the Russian cultural tradition of understanding the meaning of state power // *Management Consulting*. 2020. No. 2. P. 16–21. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 08.04.2025; одобрена после рецензирования 21.04.2025; принята к публикации 21.04.2025.

The paper was submitted 08.04.2025; approved after reviewing 21.04.2025; accepted for publication 21.04.2025.